Аксёнов Василий 19.08.02

КУМИРЫ

Завтра знаменитому писателю Василию Аксенову исполняется 70 лет

НА ПОЛПУТИ. К ЛУНЕ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Этот материал задумывался таким, какими обычно получаются «юбилейные» материалы отдела культуры: авторский текст перемежается воспоминаниями «очевидцев». Но когда «очевидцы» (чаще всего неприступные для репортера) узнавали, что «дело касается Васи», они становились столь трепетны и словоохотливы, что написанные вслед «авторские» ремарки и сентенции показались мне натужными и, следовательно, излишними*. Надеюсь, никто на меня за это не обидится – дорого зернышко из первых уст.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

Виктор ГАЛАНТЕР

Я не Алеша. Я Вася

Евгений ПОПОВ: Мать Аксенова арестовали 20 августа 37-го года, в день, когда Васе исполнилось пять лет. Вася мне рассказывал, что помнит этот день «без купюр»: подъехавшую черную «эмку», чекистку в кожаном реглане... окаменевшее лицо бабушки, звериный вой няньки...

ЛЕГЕНДЫ ОБ АКСЕНОВЕ: Васю отправили в дом детей «врагов народа». У мальчика была игрушка – розовый львенок. В огромной комнате кроватей на пятьдесят маленький Аксенов заснул в слезах, утром просыпается – львенка нет, сперли... Мальчику как сыну «врагов» должны были поменять фамилию, но брат отца, совсем простой человек, написал заявление, мол, осуждает брата, «справедливо осужденного», однако просит отдать ему племянника, из которого обещает «сделать настоящего человека». И дядя увез мальчика в Казань, где Вася прожил двенадцать лет, пока не уехал к матери (временно освобожденной) в Магадан.

Евгения ГИНЗБУРГ, «Крутой маршрут»: *«Вот он! В углу широченного дивана неловко приткнулся худой подросток в потертой курточке. Он встал. Показался мне довольно высоким, плечистым. Он ничем не напоминал того четырехлетнего белобрысенького толстяка, что бегал двенадцать лет назад по большой казанской квартире. Тот и цветом волос и голубизной глаз был похож на деревенских мальчишек рязанской аксеновской породы. Этот был шатеном, глаза посерели и издали казались карими, как у Алеши**. Вообще он больше походил на Алешу, чем на самого себя.*

– Мама! – сказал мой сын Вася.

– Алешенька! – шепотом, почти непроизвольно, вымолвила я.

И вдруг услышала глубокий, глуховатый голос:

– Нет, мамочка. Я не Алеша. Я Вася».

ЛЕГЕНДЫ ОБ АКСЕНОВЕ: Отец В. А. не был расстрелян (вопреки утверждению некоторых справочников), он отсидел 20 лет и закончил свои дни в преклонные годы в Казани. Они очень спорили с Василием в последние годы, отец был непреклонен в убеждениях: Сталин – подлец, Брежнев – идиот, но Ленина... Ленина не тронь!

Жертвой заблуждения относительно участи Павла Аксенова оказался и... Никита Хрущев. Когда Хрущев в Манеже громил интеллигенцию, то орал, в частности: «Что, Аксенов, мстите за смерть своего отца?!» – «Мой отец жив!» Повисла неловкая пауза, Хрущев злобно посмотрел на своих консультантов: что, вкатали мне парашу? – атакующий напор его после этого сошел на нет.

Евгения ГИНЗБУРГ, «Крутой маршрут»: *«...И телогрейка на его плечах такая же, какие носят у нас в Эльгене. При мне на материке никто не носил таких телогреек. Наверное, появились в войну. Но все-таки меня ужасно коробит, что на Васе такое, почти лагерное одеяние... Уже маячит передо мной новая сверхзадача – пальто для Васи».*

Белла АХМАДУЛИНА: Когда Василий в первый раз попал на Запад, то первым делом озаботился приобретением приличного пальто для матушки. Объяснился с продавщицей чуть ли не на пальцах (тогда еще В. А. плохо знал английский). «У вас, русских, так холодно, что вы все пальто покупаете?» – удивилась продавщица. А вскоре В. А. случайно от знакомых узнает, что в тот же день в том же магазине пальто покупал знаменитый танцовщик Рудольф Нуриев.

ЛЕГЕНДЫ ОБ АКСЕНОВЕ: По ленд-лизу Васе выдали штаны из «чертовой кожи», которые он стеснялся носить, – в моде был габардин. Мальчик не знал, что эти штаны называются «джинсами». Пройдет время, и «философия джинсов» станет одной из составных частей его мировоззрения.

Под сенью «папы Хема»

Аркадий АРКАНОВ: Он вообще был американизированный парень. Любил Америку, любил виски, если попадалось, зачитывался американскими писателями. Не могу сказать, что он был эпигоном, но определенное влияние, например, Сэлинджера и Хемингуэя в его ранних вещах я вижу. Приезжая «оттуда», бравировал тем, что там видел, и как мог поддерживал свое «американское» реноме – насколько это было возможно в наших условиях***. Безусловно, он был предметом обожания и подражания для более молодых литераторов (и не только). Тот же Витя Ерофеев, тогда почти мальчишка, ходил за Васей с открытым ртом: Вася с сумкой через плечо, и Витя – с сумкой, Вася весь в «джинсе», и Витя туда же...

Евгений ПОПОВ: В семидесятые мне негде было жить, и Вася поселил меня в квартире матери у метро «Аэропорт» (Евгения Семеновна тогда уже умерла). Там в шкафу висела джинсовая с белым мехом куртка Аксенова. Не то чтобы я плохо был одет, я был одет как все. Но мне ужасно хотелось поносить эту замечательную куртку! Крутился вокруг этой куртки так и этак: думаю, выйду в ней на улицу, а вдруг встречу Аксенова? Поделился своими сомнениями с другом Ерофеевым, тот одарил меня чисто иезуитским ответом: бери куртку и иди в метро, гуляй там в ней хоть целый день, потому что Аксенов никогда в метро не ездит!

Белла АХМАДУЛИНА: Для нас Прибалтика была в какой-то степени воротами на Запад, в некие хемингуэевские реалии. Там было позволительно даже, например, такое кощунство, как возможность посидеть в баре. Я летела в Вильнюс и читала «Новый мир». А там рассказы Аксенова «На полпути к Луне» и «Папа, сложи!». И вот в Прибалтике мы встречаемся. По-моему, у художника Стасаса Красаускасаса, которого Вася очень любил. «Это вы Аксенов?» – «А это вы Ахмадулина?»

Евгений ПОПОВ: Я как-то спросил Васю: вы что, совсем охренели тогда от этих кубинцев, от этих Фиделей? «Куба, любовь моя!» и тэдэ. Не видели, что это коммуняки покруче наших? Он говорит: ты не понимаешь. Тогда, в начале шестидесятых, на фоне наших угрюмых рож вроде Суслова, в габардиновых макинтошах, шляпах, вдруг являются молодые парни, бородатые (что было запрещено), в американских ботинках, в камуфляже. И в заплечных мешках – на Мавзолей!

Кое-что о Павлике Морозове

ЛЕГЕНДЫ ОБ АКСЕНОВЕ: Окончив медицинский институт, В. А. собирался стать судовым врачом. Но не сложилось, видимо, из-за биографии родителей: ведь судовой врач ездит за границу. И Аксенов начал работать на санэпидемстанции в Московской области. Через неделю-другую выступил с комсомольской инициативой перед начальством: в отдаленных деревнях области нет санитарных врачей, поэтому их следует доставлять туда с помощью санитарной авиации. Инициативу одобрили. Тут у меня началась веселая раздольная жизнь, рассказывал В. А., ведь тогда всего было немерено – в частности, бензина для «кукурузников». Никто ни за чем не следил, никто ничего не считал. И он летал от души: «инспектировал», «принимал меры», лечил кого надо. Помните летчика Ваню из «Затоваренной бочкотары»? В данном случае вполне можно сказать, что образ воздухоплавателя сотткан из воздуха. С работы, кстати, Аксенов ушел только после напечатанной в журнале «Юность» повести «Коллеги», сделавшей его знаменитостью.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ: Когда-то давно, на заре туманной юности, я подписал книгу Василию Аксенову: «Вася, все они вышли из рукава гоголевской «Шинели», мы же с тобой родились из гоголевского «Носа»: я из правой ноздри, ты – из левой».

Аркадий АРКАНОВ: Он был в своем роде неприкасаемым и пользовался уважением даже среди тех писателей, которые принадлежали к совершенно другому «лагерю». К нему испытывали определенный пиетет, даже секретари Союза называли его Василием Павловичем. До «Метрополя», естественно. Сказывалось, видимо, что он и Евтушенко были хорошо известны на Западе, их приглашали в посольства, на приемы, на всякие симпозиумы. Они выезжали за границу – Запад их как бы поддерживал. Авторитет одного и другого был настолько высок, что обращаться с ними так, как с другими, было непозволительно.

С Евтушенко они были близки, пока не произошла одна история. В середине 70-х Евгений Евтушенко пробивал в ЦК новый молодежный журнал, который должен был называться «Лестница» и где он должен был стать главным редактором. И даже получил согласие. А в это время Аксенов, Овидий Горчаков и Григорий Поженян написали ерническо-иронический роман-детектив «Джин Грин – неприкасаемый». Подписались – Горпожакс. И в «Литературной газете» появилась статья Евтушенко, где он подверг этот роман страшному литературному избиению. Аксенов и Гладилин, которые должны были войти в редколлегию «Лестницы», написали письмо опять же в ЦК, что с Евтушенко они больше не хотят иметь дела и не будут у него в редколлегии. После чего главный идеолог партии Ильичев вызвал Евтушенко и сказал: вот она, ваша вшивая интеллигенция, у вас еще и журнала нет, а вы уже успели поругаться! И журнал не вышел.

Мы сидели втроем с Аксеновым и Гладилиным в «пестром зале» Дома литераторов, появился Евтушенко в крайне возбужденном состоянии (видимо, хлопнул пару фужеров шампанского) и закричал на весь зал: «Слушайте все! Вот сидят Аксенов и Гладилин, это павлики морозовы! Вы предатели! Вы антисоветски настроенные элементы!»

ЛЕГЕНДЫ ОБ АКСЕНОВЕ: Однажды В. А. зашел в «пестрый зал» ЦДЛ, сел со стаканчиком за стойку. Вдруг рядом разбушевался небезызвестный в те годы писатель Губарев, автор «бестселлера» о Павлике Морозове: сидит здесь всякая зелень и не знает, с кем рядом выпивает! Как же, знаю, отвечает В. А. Это вы написали о предателе и доносчике Павлике Морозове, который сдал отца своего. Разъяренный Губарев: что? А ну-ка посиди здесь, сейчас за тобой придут! Убежал, но, видимо, «там» ему сказали, что это – знаменитый Аксенов и с него взятки гладки. Но Губарев не успокоился, «запомнил» В. А. и каждый раз, когда встречал его, орал вслед разнообразные гадости. Как-то В. А. выходил из ЦДЛ с Владимиром Максимовым, Аксенов что-то сказал приятелю. Тут рядом случился Губарев и заорал: «Слышали? Все слышали? Аксенов сказал, что надо вешать коммунистов на фонарях!» Тогда В. А. взял необзуданного литератора за шкирку, придвинул к стене: «Еще раз пикнишь, прибью, падла!» Тот чуть ли не обмочился, понял, что в морду получать – больно, и – больше от него Аксенов никогда не слышал ни слова.

Аркадий АРКАНОВ: О ЦДЛ он как-то сказал: «Это такое замечательное место, что сюда можно прийти с деньгами и с бабой, а уйти без денег и без бабы. А можно прийти без денег и без бабы, а уйти и с деньгами и с бабой».

Что такое запой

Аркадий АРКАНОВ: В 69-м году мы приехали в Ялту. И вечером Вася, я и наш знакомый замминистра культуры Киргизии пошли в ресторан, в гостиницу «Ялта». Наша дружеская беседа, понятно, сопровождалась довольно серьезными возлияниями. В какой-то момент к нам подошел официант из другого зала и сказал: «Ребята, там министр торговли Украины сидит, просит, чтобы вы потише разговаривали». Вася говорит: «А не пошел бы он...» И указал точное географическое направление. Когда мы уходили, внизу возле регистрации стали в шутку спорить, есть ли в гостинице свободные номера. Понятно, что в советские времена ответ на этот вопрос мог быть только отрицательным. На улице к нам подошел молодой лейтенант милиции и спросил: вам далеко ехать? В Дом творчества. Давайте мы вас подвезем. Мы благодарно соглашаемся, садимся в «воронок». Поездка наша завершилась тем, что открылась задняя дверца, свет фонарика ослепил нас: «Выходи по одному!» Оказалось, нас привезли в вытрезвитель; лейтенант доложил дежурному капитану: эти молодцы из Москвы, эти писатели устроили пьяный дебош в ресторане «Ялта», нецензурно оскорбили министра торговли Украины и... пытались ворваться в гостиницу. Дежурный: «Раз-здевайсь!» Наш замминистра попытался что-то возразить, но тут же здоровенный амбал в милицейской форме с засученными рукавами скрутил его, раздел, разорвав всю одежду, и втолкнул в какую-то комнату. Вася благоразумно разделся сам и ушел вслед за ответственным киргизом. Вдруг лейтенант говорит: а этот – и указывает на меня – не матерился. Капитан: «Дорогу найдешь? Пш-шел отсюда!» И я побежал в Дом творчества бить тревогу.

В 8.30 утра представительная делегация писателей, включая секретарей союза, является в вытрезвитель. Там нам заявляют, что задержанных сейчас повезут в суд, где они получат по «пятнадцать суток» и будут указанный срок мести набережную Ялты. На что один из наших секретарей говорит начальнику вытрезвителя: вы задумайтесь, товарищ, сегодня Василий Павлович Аксенов будет мести набережную, а какой лай завтра поднимут вражьи «голоса»?! Начальник последовал совету, задумался, и ребят выпустили.

Евгений ПОПОВ: В это время (1978) он уже совершенно не пил. Это был подтянутый, спортивный, хорошо одетый, пахнущий дорогим одеколоном господин. В конце 70-х я довольно крепко выпивал, но без запоев – организм мой физиологически на это не настроен. Однажды спросил с похмелья: «Василий Павлович, что такое запой?» Аксенов обстоятельно пояснил: утром, значит, еще не почистил зубы, натягиваешь джинсы, идешь на улицу, находишь открытый кабак – там выпиваешь стакан коньяку. Дома приходишь в себя, жаришь яичницу, работаешь за письменным столом. Потом обед с вином. Вечером ЦДЛ: там уже пьешь до упора. И так каждый день. Я спросил: и как это все кончилось? Да просто в один прекрасный день, отвечает, понял, что мне надоела такая жизнь. И без всяких «торпед» – бросил. С тех пор максимум, что В. А. себе позволяет – немного вина. Или бутылку пива.

Один старый друг с Кавказа, увидев Аксенова в новом обличье, чуть не заплакал: что ты, Васька, с собой сделал?! Был отличный парень, пузатый, глаза красные, а щас, прости за выражение, какой-то спортсмен.

Аркадий АРКАНОВ: Когда он перестал употреблять крепкие спиртные напитки, то... повзрослел. Он стал мужиком в полном смысле этого слова. В свои достаточно еще молодые годы он был весьма грузен, а тут вдруг похудел. Не ел хлеба и первых блюд. Очень быстро стал сухопарым, поджарым, крепким. Таким натуральным плейбоем, каким, собственно, остается и по сей день.

От «Запорожца» до «Ягуара»

ЛЕГЕНДЫ ОБ АКСЕНОВЕ: В шестидесятые вся молодая российская проза ездила на «Запорожцах» – «Москвичи» и тем более «Волги» не полагались «по чину». В начале 70-х В. А. обзавелся «Жигулями». Доездил автомобиль до такого состояния, что дверцы не закрывались. В. А. соорудил сложную систему веревок, так что если, скажем, надо было кого-то подсадить, дергал за определенные веревки. В последние годы разъезжал по Москве уже на зеленой «Волге» с надписью на заднем стекле «Russian adventures» («Русские приключения»). Однажды ему «в зад» въехал грузовик. Приехал гаишник, сели втроем на заднее сиденье аксеновской «Волги» «оформлять бумаги». Гаишник берет у В. А. «права», смотрит: «Надо же, бля, ты Вася и я Вася!» Несчастный водитель грузовика тоже подает голос: «Ребята, и я Вася!»

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ: Однажды я приехал к нему в Вашингтон из России, которая была тогда плохо одетой. Я же в Париже купил себе нейлоновый костюм, приехал в нем к Васе. Мы вышли на улицу, и Василий Павлович сказал: давай постоим немножечко. Он показал мне свой новый «Ягуар», спортивную машину с открывающимся верхом. Я разинул рот. Утром было пустынно, и только вдали маячил молодой человек, не решавшийся к нам подойти. Он, вероятно, любовался автомобилем. Польщенный Вася широким жестом пригласил его подойти к нам. «Вы хотите что-то спросить?» Молодой человек застенчиво потупился и сказал, обращаясь ко мне: «Скажите, где вы купили ваш костюм?»

Аркадий АРКАНОВ: Как-то он спросил: «Почему у тебя нет машины?» – «У меня денег нет». На что он отвечает: «В нашей стране бедным быть стыдно, надо жить хорошо». Вася печатался широко, шел круто, поэтому, с материальной точки зрения, мне было трудно за ним угнаться. Он всегда был пижоном: любил изысканно одеваться, любил со вкусом выпить, словом, любил погарцевать. Когда я читал его прозу, мне даже порой казалось, что я вижу его пишущим *это* – сидящим на коне и любующемся на себя в зеркало: вот *как* я пишу, вот я каков!

К телефону подходили не те

Евгений ПОПОВ: Он дает «понять расстояние» всегда: в любом месте, в любое время и любому человеку. Он стоит уверенно на земле, знает себе цену.

Аркадий АРКАНОВ: Его ирония по отношению к другим и к себе не знала границ. При всем этом общаться с ним не всегда было легко. В его манере держаться было что-то княжеское. Он ни на минуту не сомневался: то, что он говорит, это, безусловно, интересно. Если ты бывал остроумен, он поддерживал тебя своим характерным коротким смехом, давая тебе понять: это – хорошо. То есть ты проходил у него под номером вторым. Не знаю, есть ли люди, с которыми он общается на равных. Он был центровым. Если сидел за столом, то стоило ему подняться – компания распадалась, пропадал интерес общаться дальше.

Евгений ПОПОВ: На Сахалине он собирал материалы для «Апельсинов из Марокко», и там, представьте, вокруг него тоже сплотилась компания почитателей, которых называли «подаксеновики».

Аркадий АРКАНОВ: У него были более или менее продолжительные романы с очень интересными женщинами. Ни с какими-нибудь девочками из подворотни, а с самыми эффектными и известными женщинами Москвы и Ленинграда. Это особенно и не скрывалось, об этом знали все, включая его жену Киру. Он с удовольствием появлялся со своими подругами в обществе, было видно, что для него это важно. Его брак с Майей Кармен – тоже следствие такого романа. Она была очень известной, исключительно красивой и стильной женщиной...

Белла АХМАДУЛИНА: Майя прилетела ко мне в Ялту. Потом прилетел Вася, и они... полюбили друг друга. Майя тогда была замужем, но это уже не имело значения. Вася к тому времени тоже был... почти неженат. Любовь выше всего, не правда ли? А выше любви только дружба. У Васи есть рассказ «Гибель Помпеи» (кстати, мне посвященный), и там содержится некое иносказание и признание: Ялта, море, беспечность... зарождение чувства. Легкомысленная мотыльковая Ялта: кто пьет, кто танцует, кто... во что горазд. Когда Майя уехала, Василий Павлович тяжело переживал. Мы стали звонить в Москву, к телефону подходят не те, кто, нужен. Кто? Муж подходит, кто же еще? Роман Лазаревич Кармен, с которым я тоже была дружна, держал себя в этой ситуации в высшей степени благородно. Он не мог не знать, все что-то знали. Понимал: и я что-то знаю. Так же как понимал и то, что я ничего не выдам – даже «под пыткой алкоголя».

«Метрополь». У них будут неприятности

Евгений ПОПОВ: Он, если воспользоваться современным молодежным жаргоном, – «крутой мен». Он – мужик. После «Метрополя» нас поодиночке вызывали в Союз писателей и там промывали мозги. Мы с Виктором Ерофеевым приходим к Аксенову и возбужденно рассказываем, как «все было» и кто что говорил. Он молча слушает, потом, не говоря ни слова, так же молча набирает номер телефона Феликса Кузнецова *(тогда – первый секретарь Союза писателей Москвы. – В. Г.)*. И без всяких «здрасте», со своей характерной хрипотцой говорит этому надутому литературно-партийному индюку: «Феликс, ты зачем терроризируешь ребят? Учти, мы завтра же выйдем на Леонида Ильича».

Белла АХМАДУЛИНА: Напротив мастерской моего мужа Бориса Мессерера, где мы все собирались, было посольство. Его охранял милиционер по фамилии Скворцов, очень добродушный. Он нас предупреждал: «За вами приглядывают!» Для нас, разумеется, это не было сюрпризом, как и постоянная прослушка телефонов. Поэтому мы с Васькой подчас разговаривали по телефону примерно в таком ключе: «Мне *это* о-очень нравится». – «И мне это о-очень нравится». – «У нас могут быть неприятности?» – «У *них* могут быть неприятности». – «По-моему, *у них* будут бо-ольшие неприятности!» По-моему, мы в определенной степени способствовали умственному развитию наших «слушателей». Мы, в принципе, ничего не скрывали, но они, видимо, просто не понимали, что мы затеяли. Иначе отчего они так удивились, когда вышел «Метрополь»?

Аркадий АРКАНОВ: Литературные начальники и «кураторы» с Лубянки участников «Метрополя» попытались «растащить». Ко мне тоже подсаживались достаточно известные люди, которые говорили: Аркадий, ты что не понимаешь? Это все заранее продумано Аксеновым, который хочет вымостить себе дорогу на Запад. Он вас кинет, ему на вас наплевать! Я отвечал: никуда Вася не уедет! И сейчас у меня нет никаких оснований думать, что он «построил» «Метрополь» под себя. Наоборот, возможность эмиграции в разговорах со мной Вася всячески отрицал. Больше того, говорил: «Нужно изо всех сил существовать *здесь*». Почему в итоге так получилось, я не знаю. Видимо, у него уже не было другого выхода.

Евгений ПОПОВ: После жуткой зимы 79-го мы втроем (с Виктором Ерофеевым) поехали в Крым. Когда приехали в Коктебель, то встретили там Фазиля Искандера в черных сатиновых трусах. (Это о «писательском» Коктебеле Юлий Ким сочинил песню «Красива русская земля, кругом заливы Коктебеля»). Когда пили вино на холодке, Фазиль, между прочим, показал нам полученную им анонимку: «Радуйся, сволочь! Ваших сукиных сыновей выгнали, наконец, из Союза писателей!» То есть меня и Ерофеева. Когда вернулись в Москву, оказалось, и в самом деле – выгнали. И что Василий Павлович? Говорит нам с Витькой: я как сказал, так и сделаю, – выйду из Союза писателей. И вышел. Это был поступок мужчины и старшего товарища. Этого я никогда не забуду.

Белла АХМАДУЛИНА: В 80-м году, когда мы провожали Васю, то думали, что прощаемся навсегда.

Белка, пиши чаще!

Белла АХМАДУЛИНА: В Переделкине у меня была замечательная соседка – Лиза. Как-то я сижу и жду человека, через которого могла отправить Васе письмо. Письмо уже почти дописано, вдруг прибегает соседка: «Белла, у нас Брежнев умер!» Я заканчиваю письмо: «Вася, Брежнев умер». Мы никому смерти не желали, просто думали, что не переживем его. Проходит какое-то время, я опять пишу Васе. Прибегает Лиза: «Белла, у нас Андропов умер!» Я заканчиваю письмо: «Вася, Андропов умер».

Вскоре получаю письмо от Василия: «Белка, пиши чаще!»

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ: Он был на похоронах моего отца, он самый творчески близкий мне воспитатель новой России.

Евгений ПОПОВ: В один из его последних приездов в Москву мы с ним шли по Патриаршим прудам. Там на травке под деревьями в весьма живописных позах расположилась группа «хиппующей» молодежи. И вот эти ребята, которые вроде бы не застали его великой славы, вдруг вскакивают, окружают В. А., протягивают какие-то бумажки – просят «расписаться». Один малый – у него бумажки не нашлось – протянул свой паспорт. Аксенов: «Ну как же? Это ведь документ!» Тот: «Да хрен с ним! Ваш автограф важнее!»

«В 80-м году мы думали, что прощаемся навсегда». Но... встретились через семь лет в Нью-Йорке. Василий Аксенов и Белла Ахмадулина. 1987

ДОСЬЕ «ВМ»

Василий Аксенов родился 20 августа 1932 года в Казани. Отец, Павел Аксенов, в 30-е годы председатель казанского горисполкома, и мать, Евгения Гинзбург (впоследствии автор известных лагерных мемуаров «Крутой маршрут»), репрессированы в 37-м. Окончил первый Ленинградский медицинский институт. Первые повести, напечатанные в журнале «Юность», сделали его лидером молодой нонконформистской прозы. В 1979 г. организовал и возглавил «неподцензурный» литературный альманах «Метрополь», вокруг которого разгорелся политический скандал. В 1980 г. выехал по приглашению в США и вскоре был лишен советского гражданства. До последнего времени – профессор литературы в университете «Джордж Мейсон» (Вашингтон). Сейчас живет в Биарритце на атлантическом побережье Франции.

Автор романов и повестей «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», «Затоваренная бочкотара», «Ожог», «Остров Крым», «Московская сага» и многих других.

** Фрагменты, обозначенные как «Легенды об Аксенове», поименованы так не потому, что их достоверность сомнительна: просто рассказаны друзьям самим В. А., либо друзьями – друзьям, и – по цепочке – вашему корреспонденту.*

*** Старший сын Евгении Гинзбург Алеша тоже был определен в «детприемник». Следы его затерялись, судьба неизвестна.*

**** Пройдет почти сорок лет, и американский гражданин Василий Аксенов на творческом вечере в ЦДЛ скажет буквально следующее: «тамошний народ большей частью косный, высокомерный и тупой»*

ОТКРЫТИЕ 105-го СЕЗОНА

Московский Художественный Академический Театр имени А. П. Чехова

2 и 6 сентября 2002 г.

Михаил Булгаков

КАБАЛА СВЯТОШ

(Мольер)

Режиссер Адольф Шапиро
Художник Юрий Харитов
Композитор Эдуард Артемьев
В роли Мольера – Олег ТАБАКОВ

В ролях: Ольга Яковлева, Виктор Гвоздицкий, Борис Плотников, Андрей Ильин, Владимир Кашпур, Александр Семчев и другие

Билеты можно приобрести в кассе театра по адресу: Камергерский пер. 3, или заказать по телефонам: 229 8760, 292 6748

Художественный руководитель театра Олег ТАБАКОВ

1 СЕНТЯБРЯ ОТКРЫТИЕ XII СЕЗОНА

Московский театр Новая Опера

ул. КАРЕТНЫЙ РЯД, д.3 (САД "ЭРМИТАЖ") заказ билетов 200-08-68

- 1 (воскресенье) ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН П.Чайковский
- 2 (понедельник) ГАЛА-КОНЦЕРТ с участием Деборы Майер
- 3 (вторник) "BRAVISSIMO!" (сопрано, Англия)
- 4 (среда) БЕЛЛИНИ
- 5 (четверг) ТРАВИАТА Дж.Верди

7-15 сентября МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ БАЛЕТА "GRAND PAS"

Художественный руководитель театра - ЕВГЕНИЙ КОЛОБОВ

ТЕАТРАЛЬНАЯ АФИША

АКАД. ТЕАТР ОПЕРЕТТЫ. 24/VIII и 25/VIII в 18 ч. Notre Dame de Paris.

ТЕАТР имени Н. В. ГОГОЛЯ. 20/VIII Мышьяк и старинные кружева. 21/VIII Безобразная Эльза. 22/VIII и 23/VIII премьера Марлени Стальные прусские дивы. 24/VIII Долетим до Милана. 25/VIII в 18 ч. Записная книжка Тригорина. МАЛЫЙ ЗАЛ. 23/VIII в 18 ч. премьера Зверь-Машка.

ТЕАТР НА МАЛОЙ БРОННОЙ. 19/VIII Страсти по Торчалову. 20/VIII Неугомонный дух. 21/VIII премьера Калигула. 22/VIII Жиды города Питера. 23/VIII Портрет Дориана Грея. 24/VIII премьера Калигула. 25/VIII Нижинский, сумасшедший божий клоун.

ТЕАТР АНТОНА ЧЕХОВА. Открытие 14-го сезона. На сцене Театра им. Евг. Вахтангова. 26/VIII Цена.

ДРАМ. ТЕАТР «СФЕРА». 20/VIII Лолита. 21/VIII Красавец-мужчина. 22/VIII Игра интересов. 23/VIII Люди и страсти. 24/VIII Пианино в траве. 25/VIII премьера В лесах и на горах.

ТЕАТР «ШКОЛА СОВРЕМЕННОЙ ПЬЕСЫ». 20/VIII Антон Чехов. Чайка. 21/VIII Борис Акунин. Чайка. 22/VIII Записки русского путешественника. 23/VIII Пришел мужчина к женщине. 25/VIII Миссис Лев.